

С логическим элементом

Нейтральное и как бы «научное» слово «Периоды» — исключительно точное название для этой новой книги, ключ к восприятию и формы, и внутренней логики, и авторской интонации, настолько же уникальной, как форма и логика.

Поэзия Полины Андрукович скорее не коммуникация-диалог или аутокоммуникация, а регулярное и максимально ответственное наблюдение развивающихся процессов и сюжетов (как правило, самовоспроизводящихся, идущих именно *периодами*) — и постоянная проверка простых и строгих законов, по которым всё развивается: можно назвать это законами природы, или мышления, или искусства, потому что (одна из важнейших вещей, которую каждый раз требуется доказать) у искусства законы те же самые.

*этот театрик молчит —
старый,
он — обида или
оскорблениенет оскорбление
весь,
весь — тишина*

Из семени растёт дерево, выбрасывает собственные семена, из них растёт несколько деревьев той же породы, и постепенно получается лес, в котором не может быть двух совсем одинаково выглядящих веток; день идёт за днём, и повторяются, никогда не повторяясь в точности, повседневные простые действия, впечатления и то, что называется мыслями: работа и игра ума, в котором непосредственно мир взаимодействует с памятью и время

манипуляциям: он здесь ни советчик, ни врач, ни на лестнице колючей разговор: не пытаются из него сделать ни ученика, ни друга, ни то, что в идеологиях называется «единомышленником». Он просто — равный, равный перед лицом правды.

Отсюда — второе свойство: о каких бы событиях и явлениях человеческой внешней и внутренней жизни, сугубо персональных, ни прочитал читатель, он не только не смущается как «подглядывающий», а чувствует (чтобы не сказать — празднует) победу над собственным страхом ума, или победу над стыдом тела.

Искусство всегда демонстрирует мгновения гармонизованного хаоса, именно на мгновения и замирающего; автор же раз от раза сталкивается с чем-то неуправляемым — но сталкивается не намеренно, а просто будучи человеком, — и получается, что искусство, как и вся жизнь — не только своего рода исследовательская наука, но и как бы военное дело, а самая правдивая поэзия оказывается, по сути, и самой «приключенческой».

*в облаках идёт война
их много-много
и они непрерывны*

а Пустота победила

и материя победила

их победа непрерывна

Специфические, автономные образы и знаки здесь полупрозрачно существуют поверх и внутри повседневности, как бы всё время туда-сюда сквозь неё пролетают и, сделавшись привычными, не остаются незамеченными; они переживают непрерывные метаморфозы: то захватывающие, то спокойно и радостно следующие логике особого рода философского юмора, то навязчивые

и утомительные, но ни в каком случае стихи не «драматизируют», не «повышают голоса»: ни удивляясь, ни радуясь, ни отчаиваясь.

видела в монастыре человекоподобных аистов, их прямые человечьи бёдра были сильными, покрытыми густым пушистым оперением белым, а один был с рыжими пятнами. В монастыре мы мнет искали компромат на некоего политика, но нашли только белый хрустальный шар и унесли его — на память. А цветы надо поливать, и я вернуться: солнце освещало картинку на стене.

И — метаморфоза: усталость оборачивается силой, озадаченность — глубиной постижения вещей действительно сложных, неразрешимых и не до конца понятных; растёт невыдуманный и неповторимый поэтический мир.

*и это — то, что после
всего (и после Ангелов) —
это невозможно
вспомнить,
потому что
мы это не
забыли*

*Василий Бородин
Лето 2020 г.
Москва*

неравномерное (1)

18окт.14; низкий слой серых тёмных
облак близко к стеклу окна в
9 утра; в час дня (чуть раньше) скв
озь них белый солнечный свет пя
тнами широкими;

когда около 17-ти включила элек
тричество, это было уже выше и как
довольно грубая мягкая кисея
чуть смятая. Я такая же.

Я почти такая же..;

к вечеру, после того, как заглянула в
эл. почту, — способна только смотреть. В
голове разрушение; весь день не вых
одила, — домашнее «платье». Кому-то —
движение. Мне — дно и поверхность
покоя, потом «всё» (или «ничего», что одно
и то же) завтра тоже можно не выхо
дить (почти можно — может, поедем на
чердак, но друга моего не завнет не застанем, на
верное, его друг, которого провожать,
возможно, поедем, уез
жает в 21 час, а друг
только-только проинет приедет к этому
времени)

время не лжёт, время есть или нет,
непонятно. Будто кто-то о нём жнет лжёт;

отведать эту ночь на полный оборот
сна, отдать её себе, спать совсем, но

трудно забыть для этого об утре, когда какие будут облака? — подождать

подождать ещё час и заснуть (могла бы и сейчас, енет но как-то неудобно)

снились цветы азалии (амá
льрии, амальрии, анамальрии)

19окт.14; проснулась в 9.15 — солнце на абсолютно чистом бледно-голубом. Так и было — подарил учитель нарисованные азалии во сне — бордовые; густо-бордовые, тёмные; густо-бордовые на бледно-голубом.

Днём — не помню, в каком
тором часу, — смазанное
ощущение о смазанных
облаках слоем — этот
слой ощущений в расслабленной
к вечеру голове, — в него
проваливаешься

не поехали на чердак, как-то это было бы слишком беспокойно. Ещё запах варёного лука днём от супчика старой тётки отца, который я не ем, — всё смешано, и открыта форточка.

Пара «миниатюр» (абстрактных), как и вчера. На третью не хватает сосредоточенности вечером, а, может, хватит, если я найду её в сигарете при ветерке из форто

чки, немного.

Немного, как дыма всегда не слышишь много, сколько ни кури, а друзья сейчас, наверное, как раз провозжают друга моего друга, и что-то неопределённое в этом определении «моего»; или это только дополнение...

20окт.14; утром — на газонах и на крышах снег (первый в городе), облака — светло-серая, будто взбитая в мусс масса лёгкая, звонит другу, «как поживаете», — «да так...» — весь день течёт с крыш, но воздух прозрачен, будто небо голубое, хотя оно белёсое, чуть сероватое, но так и не опустилось больше, — пустое, прозрачное, между небом и землёй, — пространство слушает, не верит, будто кто-то лжёт ему о времени, — движение — кому-то другому направлено, снет моё ли, чуждое ли, — рассказ о нём обречён на бесконечность, а я путаюсь сегодня в этом взбитом небе с разными непонятно какими и чьими чувствами, дышу — ими

вечером, в темноте, неравномерный дождь

21окт.14; чуть неровное серое в 9 утра — неровное за счёт материи. Сгустки материи — лёгкие, мокрые, полупрозрачные — дома, деревья; и в небе тоже — почти невидимые, — можно только ощутить глазами наощупь прикосновения; вчера лист А4 белый фиолет

ово-коричневой тушью и миниатю
ра, сегодня — пока что — миниатюра
фиолетово-коричневой тушью на бе
лом, тонированном в
серое обрывке — тоже «сту
сток», но требовательны
й. Потом — второй такой же
почти. К 17-ти часам кое-где
расслоилось в небе — над нами дно
огромного серого ровного облака, на «го
ризонте» (над крышами на уровне де
ревьев) светлое облако, — из светлых обл
аков поменьше (как кажется), и всё
это изменяется, но очень медленно,
будто кто-то лжёт о времени; сде
лала рукописную книжку из обрыв
ков неудачного рисунка, в ней стран
ички скреплены степплером

снег вчерашний растаял

практически это начало